

*Посвящается памяти Чжан Синцзюань,
известной под авторским псевдонимом Чжу Ти*

Список иллюстраций

1. Поле опиумного мака
2. Церемония под руководством министра иностранных дел Се Цзешу при участии премьер-министра Чжэн Сяосюя
3. Открытка. Бар «Саппоро» снаружи
4. Открытка. Бар «Саппоро» внутри
5. «Бывшие товарищи». Русская открытка
6. Харчевня времен династии Цин
7. «Груда праха» в Мукдене
8. Генерал Ноги Марэсукэ. Празднование по случаю победы в Русско-японской войне
9. «О алкоголь! Сколь сильно твое воздействие!»
10. «Ласточки»
11. Реклама пива «Asahi»
12. Реклама пива «Asahi», «Фушэнь» и «Sapporo»
13. Реклама пива «Sapporo» и «Asahi»
14. Херувимчики «Red Ball»
15. Господин «Red Ball»
16. Реклама «Red Ball»
17. «Источник энергии»
18. Реклама «Essence of Turtle»
19. «Сильная и процветающая Азия»
20. «Четыре яда, крушащих здоровье»
21. «Официантка в сверхсовременном баре»
22. «Удастся ли вам сохранить здоровье в подобном цветнике[?]»
23. «Молодые наркоманы заходят в опиумный притон»
24. «Излечение наркомана»
25. «Рационализаторское движение за энергию»
26. Реклама «Ruosu»
27. «Сладкий поцелуй»
28. «Песня новой жизни»

29. «Наркоманы и исцеленные курильщики приучаются к труду и получают профессиональные навыки в специализированных школах правительства Маньчжоу-го. На этом фото запечатлен пример обучения исцеленных наркоманов и курильщиков»

30. «Институты здоровой жизни выведут вас в землю обетованную»

31. «Медпункт, управляемый специальным муниципалитетом Синьцзин»

32. «В помещении медпункта. Наркоманки получают медицинскую помощь».

33. «В помещении Государственного медицинского пункта для курильщиков опиума в городе Синьцзин»

34. «Устрашающая преисподняя человечества»

35. «Чжан Цзолинь и Чжан Сюэлян»

36. «Япония на страже Азии»

37. «Правительство Маньчжоу-го»

38. «Синьци в баре»

39. «Обезображенный Дэсинь»

40. «Шаосянь в бегах»

41. «Корейские наркоторговцы»

Благодарности

Книга «Одурманивание Маньчжурии» не была бы написана без вдохновляющих наставлений, которые исходили от моих наставников в Университете Британской Колумбии. Я хотел бы особенно отметить бесценную поддержку Дианы Лари, Глена Питерсона и Кэтрин Сватек. Благодаря им я получил фундаментальную профессиональную подготовку, которая привела меня в Гуэлфский университет, где собрались лучшие в своих областях исследователи, специализирующиеся в истории и изучении общественной роли женщин. Они сформировали атмосферу поддержки, которая способствовала завершению настоящего текста.

Я также многое почерпнул из чтения и обсуждения моей книги с Джунко Накадзима Агню, Ольгой Бакич, Дэррилом Брайантом, Ричардом Чэном, Анникой Кульвер, Джеймсом Флатом, Мириам Кингсберг, Дианой Лари, Келли Лаут, Янь Ли, Ли Чжэнчжуном, Пань У, Робертом Перринсом, Гленом Питерсоном, Жэнь Юйхуа, Биллом Сьюэлом, Роном Сулески, Сунь Цзяжуй, Такамицу Ёсиэ, Ван Нином, Ян Суаньчи, Виктором Зацепиным, Чжан Хунэнем, Чжан Цянем, Чжан Синцзюань и Чжу Чжэньхуа. Я благодарен за поддержку Холли Карибо и Шине Марти. Хотел бы также поблагодарить анонимных рецензентов от UBC Press, Общества истории алкоголя и наркотиков и Совета по исследованиям в области социологических и гуманитарных наук Канады.

В процессе написания этой книги оказалось неоценимым значение международных конференций. Я хотел бы особо поблагодарить организаторов и участников следующих: конференции Общества истории алкоголя и наркотиков (Лондон, Онтарио,

2004 г.; Глазго, 2009 г.); конференции Ассоциации азиатских исследований (Тонолулу, 2011 г.); конференции Канадской ассоциации азиатских исследований (Ватерлоо, 2008 г.); «Всемирные вызовы, региональные ответы» (Харбин, 2009 г.); «Культурные взаимосвязи Японии и Китая с конца XIX в. до Второй мировой войны» (Виктория, 2008 г.); «Социальные последствия Китайско-японской войны» (Ванкувер, 2006 г.); «Телесные истязания во времена Китайско-японской войны: 1931–1945 гг.» (Гарвард, 2012 г.); 3-й Международный семинар по китайско-японским отношениям во времена Китайско-японской войны, 1937–45 гг.» (Хаконе, 2006 г.).

Часть материалов данной книги была опубликована ранее: статья «Литература об опиуме в Маньчжоу-го» в издании James Flath and Norman Smith, eds., *Beyond Suffering: Recounting War in Modern China*, p. 13–35 (Vancouver: UBC Press, 2011); статья «Алкоголь в Китае» в издании M. Darrol Bryant, Yan Li and Judith Maclean Miller, eds., *Along the Silk Road: Essays on History, Literature and Culture in China* (Kitchener: Pandora Press, 2011); статья «Опиаты, наркозависимость и гендерная принадлежность в литературе времен Маньчжоу-го на китайском языке» в переводе Такамицу Ёсиэ для издания Ezra Vogel and Hirano Kenichiro, eds., *Chinese Society and Culture during the Sino-Japanese War*, p. 329–364 (Tokyo: Keio University Press, 2010) (на японском); статья «Опиум и литература во времена марионеточного государства Маньчжоу-го» в переводе Жэнь Юйхуа для издания Li Jianping and Zhang Zhongliang, eds., *Studies of the Occupied Areas during the Anti-Japanese War: Volume 2*, p. 213–235 (Guilin: Guangxi Normal University Press, 2008) (на китайском); совместная с Жэнь Юйхуа статья «Социальная роль опиума во времена оккупации Северо-Восточного Китая» для издания *Social Science Front Monthly* (July 2008), p. 113–115 (на китайском); совместная с Жэнь Юйхуа статья «Трагедия женщин в оккупированных северо-восточных районах: ключевая роль опиума» для издания *Literature and Art Discourse* (May 2008), p. 78–81 (на китайском); статья «Зависимость от опиатов и хитросплетения империализма и патернализма в Маньчжоу-го, 1932–45» для издания *Social History of Alcohol and*

Drugs 20, 1 (Fall 2005), p. 66–104. Все материалы были переработаны с учетом целей настоящей книги.

Я с превеликим удовольствием объявляю имена спонсоров её публикации: Совет по исследованиям в области социологических и гуманитарных наук Канады и Гуэлфский университет.

Выражаю благодарность коллегам по UBC Press: Эмили Эндрю за неизменный энтузиазм и поддержку; Меган Бранд за то, как поразительно она провела меня через процесс редактуры, отмеченный как тщательностью, так и добрым юмором; Дэвиду Драммонду за высокохудожественную и эффектную дизайнерскую работу; Роберту Льюису за внимание к деталям; Франку Чжоу за заботу об издании; Валери Нер за своевременное содействие.

Мое исследование Китая не было бы реализовано без поддержки Жэнь Юйхуа; Ли Чжэнчжуна, Чжан Синцзюань и Ли Цянь; Ли Жому и Чан Гуйчжи; Лю Хуэйцзюань; Пань У. Я никогда не смогу их в полной мере отблагодарить за их помощь и дружбу. Во время написания этой книги я с прискорбием узнал о кончине Пань У — одного из моих наставников, пионера в области изучения литературы времен Маньчжоу-го. Пань У печатался под псевдонимом Ин Шангуань. Чанчунь не будет без него прежним.

Я благодарен всем вышеназванным людям, а также членам моей семьи и остальным друзьям, которые постоянно поддерживали меня в процессе написания этой книги. Особо отмечу Маргарет Арсено; Барбару, Даниала, Дэна и Кассандру Берtrand; Ричарда Чэна; Джереми и Спенсера Кингов; Дона Смита и Лоррейн Смит. Меня вдохновляют их терпение и поддержка.

Вступление

Страшна твоя жертва:
Ты превратил свою кровь в грязь.
Оправдана ли столь высокая цена?
Тебе придется принести в жертву свою любовь.
Само собой: твой враг он также враг мой.

Песня «Бросай курить»¹

В 1942 г. Ли Сянлань (1920–2014 гг.) — самая известная актриса и певица основанного Японией марионеточного государства Маньчжоу-го (1932–1945 гг.) — исполнила песню «Бросай курить». Произведение осуждало «ужасающую» практику потребления опиума, который в тексте песни сравнивается с совратителем, обольщающим и затем уничтожающим всех, кто подпадает под его чары². Ли пела о роковой привязанности к наркотику, и каждое озвучиваемое ею слово находило отклик в душах измученного китайского народа, в особенности медицинских работников и должностных лиц, которые хотели сократить потребление населением таких токсичных веществ, как опиум и алкоголь. На пути этого благого намерения стояли зависимость Китая от доходов, получаемых от продажи этих веществ, и стремление сохранить статус-кво людей, получавших выгоду от торговли этим зельем. В первой половине XX в. Северо-Восточный Китай

¹ Название песни можно также перевести как «Отказывайся от опиума». См. «Jie yan ge», слова Ли Цзюаньцин, музыка Лян Лэинь на *Li Xianglan Collection* (Taipei: Zhonghua Records, 1999). — *Примеч. авт.*

² По тексту песни используется термин *юаньцзя*, который имеет коннотацию «враг» или «противник», но также зачастую используется в традиционной китайской опере и народных песнях для обозначения любимого человека, обещанную любовь. — *Примеч. авт.*

стал печально известен в связи с «опиумным вопросом», к которому было приковано внимание международного сообщества. При этом на здравоохранение и культуру региона оказала воздействие и привычка злоупотреблять алкоголем, которая, тем не менее, не провоцировала столь же ожесточенную полемику. Изучение практики потребления опиума оказывается в фокусе внимания, когда речь заходит о современной истории Северо-Восточного Китая и японском империализме, однако алкогольной зависимости исследователи не уделяют столь же пристальное внимание, несмотря на то что именно в Северо-Восточном Китае сформировалось явление, которое китайцы характеризуют как «уникальную культуру потребления алкоголя»³. На протяжении веков и горячительные напитки, и опиум использовались как для лечения, так и в рекреационных целях, хотя злоупотребление этими субстанциями ассоциировалось с деградацией как отдельной личности, так и общества в целом. Повышенное внимание к опиуму не скрывает еще более ощутимого воздействия на Северо-Восточный Китай привязанности к алкоголю. Эта пагубная привязанность сохраняется и по сей день. Свидетельство тому — отстранение от участия в спортивных соревнованиях Ван Мэн, самой выдающейся спортсменки Китая в зимней дисциплине шорт-трек. Поводом для такого решения стало участие родившейся как раз в Северо-Восточном Китае неоднократной олимпийской чемпионки в пьяной драке, которая «подорвала дисциплину в команде и поставила под удар престиж спорта в целом». Ван Мэн была исключена из команды. Было наложено вето на ее участие в международных соревнованиях⁴. В настоящем исследовании рассматриваются представления о рекреационном потреблении токсических веществ в первой половине XX в., в особенности прогибационистская кампания, которая развернулась в Маньчжоу-го в 1940-х гг. и которая доминировала как в официальной политике, так и в китайской культуре в период

³ См. [Feng]. — *Примеч. авт.*

⁴ Более подробно см. <http://sportsillustrated.cnn.com/2011/> (в настоящее время ресурс недоступен). — *Примеч. авт.*

Священной войны Японской империи против англо-американского империализма в 1941–1945 гг.⁵

Премьера песни «Бросай курить» в исполнении Ли Сянлань пришлось на важный переходный период середины XX в., отмеченный слабостью государства, засильем иностранного империализма и борьбой против рекреационного потребления токсических веществ. Эта песня выступает лейтмотивом фильма «Вечность» 1942 г.⁶ Эта выпущенная на китайском языке кинокартина была создана на японские деньги и представляет собой драматизацию событий Первой опиумной войны 1839–1842 гг. между Великобританией и Китаем. В преддверии столетия после окончания указанной войны «Вечность» снимали в находящемся под японской оккупацией Шанхае. Работа над фильмом проходила на фоне Священной войны Японской империи против Великобритании и США. Хотя он и был призван вызвать у китайских кинозрителей неприятие к потреблению опиума и Западу, содержание фильма выставляло в неприглядном свете и его продюсеров. Публично давая клятвы освободить Китай от оков западной деградации и наркотической зависимости, де-факто японцы установили жесткий колониальный режим, который раскрывал истинное значение Священной войны. В результате, по выражению писателя Марка Дрисколла, возник «антиколониальный колониализм»⁷. Попытки японцев сгладить критические настроения за счет продвижения национальной культуры Китая, примером которых как раз выступает кинокартина «Вечность», по иронии лишь служили подтверждением ощущений китайских зрителей, что за состояние подчиненности, живописуемое в песне Ли, они заплатили слишком дорого.

⁵ Дрисколл выделяет три отдельных периода японского империализма. Последний из них (1932–1945 гг.) он называет «некрополитикой» в силу фокуса на тотальную войну и мобилизацию фашизма. См. [Driscoll 2010: xii]. — *Примеч. авт.*

⁶ Название на английском, оригинальное название на китайском — «Слава на многие поколения». — *Примеч. пер.*

⁷ [Ibid.: 227]. — *Примеч. авт.*

Ли Сянлань — яркий символ китайской культуры, фабриковавшейся на территории оккупированной японцами Маньчжурии⁸. Ли родилась в японской семье в городе Фушунь. Ее детство прошло в Маньчжурии и Пекине⁹. Родители Ли высоко ценили культурное наследие Китая, и, в дополнение к данному дочери китайскому имени, определили Ли в китайскую школу и помогли избрать карьеру, связанную с китайским языком. В позднем подростковом и раннем взрослом возрасте Ли начала сниматься в фильмах производства акционерной компании «Маньчжурское кинематографическое общество». Зрителям Ли представляли как урожденную китайку, которая поддерживала действия Японии¹⁰. Ли была также успешной певицей. Многие любимые китайцами песни того времени¹¹ стали необычайно популярными именно в ее исполнении. Выход «Бросай курить» был встречен с огромным энтузиазмом не только на оккупированных Японией землях, но и на территориях, находящихся под контролем Гоминьдана и коммунистов, в том числе и на «родине революции» — городе Яньане, который выступал опорной базой для КПК. Истерзанной войной Китай покорила песня, призывающая отказаться от опиума. В равной мере порицание зависимости от алкоголя фиксируется и в литературе на китайском языке. Писатели, работавшие в Маньчжоу-го, в том числе Мэй Нян и Сяо Цзюнь, снискали значительную известность произведениями,

---

⁸ Термин «Маньчжурия» связан со значительной неоднозначностью, об этом подробно рассказано в [Tamanoi 2005: 2–3]. — *Примеч. авт.*

⁹ Ли также известна под именами Ширли/Ямагути Ёсико и, после повторного вступления в брак, Ёсико Отака. Ее автобиография на японском языке была переведена на китайский в 1988 г. См. [Li 1988]. — *Примеч. авт.*

¹⁰ Писательница тех времен Мэй Нян заявляет в интервью 2004 г., что японское происхождение Ли было «открытым секретом» [Mei 2004]. Степень «веры» китайских зрителей в китайское происхождение Ли также ставится под вопрос Ширли Стивенсон в [Zhang 1999: 222–245]. — *Примеч. авт.*

¹¹ Среди них «Когда вернется моя любовь?», «Песня продавца конфет» и «Ночное благоухание». Хотя в свое время эти песни иногда воспринимались как неполиткорректные, они до сих пор пользуются популярностью. — *Примеч. авт.*

которые осуждали потребление интоксикантов в период, когда вся страна подвергалась угрозе от этой напасти в национальном масштабе. Однако после окончания оккупации все те люди, которые создавали во время оккупации Японии популярные, включая критические, произведения, оказались запятнаны предполагаемой «предательской» коллаборацией с империалистами. Так, после поражения Японии во Второй мировой войне в 1945 г. режим Гоминьдана приговорил Ли Сянлань к смертной казни. Она избежала гибели, предоставив генеалогические материалы, подтверждавшие ее японское происхождение. После этого актриса бежала в США, а затем переехала в Японию¹². Мэй Нян, Сяо Цзюнь и другие деятели культуры, которые остались в Китае, на протяжении десятилетий подвергались гонениям со стороны маоистов. Та же судьба (вплоть до смертной казни) была уготована людям, работавшим в таких «спорных» сферах, как контроль за наркотиками или реабилитация от наркозависимости. Китай стёр память об этих людях, как и о Маньчжоу-го в целом, однако их тени все еще присутствуют в национальном самосознании.

Заметная роль, которую интоксиканты играли в Маньчжоу-го, заставляет задуматься о японском империализме, историях зависимости и популярной культуре Китая. В книге «Одурманивание Маньчжурии» анализируются сюжеты об алкоголе и опиуме, распространявшиеся самыми популярными СМИ на китайском языке в первой половине XX в. В фокусе внимания оказывались три основные темы:

---

¹² Ли в дальнейшем снималась в нескольких голливудских кинокартинах, выступала на Бродвее и работала ТВ-корреспондентом, освещая события во Вьетнаме, Камбодже и на Ближнем Востоке. В 1974 г. она была избрана в парламент Японии от Либерально-демократической партии и служила депутатом 18 лет. В дальнейшем была вице-президентом Asian Women's Fund (Фонд азиатских женщин) — организации, направленной на оказание содействия «женщинам для утешения», которые пострадали во времена Второй мировой войны. — *Примеч. авт.*

«Женщины для утешения» — эвфемизм, обозначающий женщин, которые принуждались к оказанию сексуальных услуг солдатами и офицерами армии Японии во времена Второй мировой войны. — *Примеч. пер.*

1. Какое отражение в народном сознании нашли интоксиканты и зависимость от них?
2. Какое воздействие оказали японская оккупация и война на связанные с интоксикантами отрасли?
3. Принимались ли серьезные меры для сдерживания потребления интоксикантов?

Ответы на эти вопросы позволяют нам заново оценить полученные интерпретации истории региона и восприятия японского империализма. Настоящее исследование не отрицает факт зверских преступлений, которые японцы совершили в Северо-Восточном Китае. К ним относится и создание развернутой сети торговли наркотиками¹³. Однако для историков, желающих иметь более полноценное представление о недавней истории региона, я отмечаю также необходимость восстановить в коллективной памяти сложную историческую роль интоксикантов.

«Одурманивание Маньчжурии» демонстрирует, что, несмотря на значительную роль опиума как одного из самых продаваемых на северо-востоке Китая в первой половине XX в. товаров, он также был предметом широкого осуждения. В начале 1940-х гг. дурную славу снискал себе и алкоголь. Однако до этого на протяжении десятилетий спиртные напитки называли свидетельством современности тех, кто их употребляет. Нарастающее в континентальном Китае напряжение и начало Священной войны преобразовали нарративы о потреблении алкоголя, который начали порицать как «стартовый» наркотик для дальнейшего перехода на опиум, героин и морфин. Начиная с этого времени крупные отрасли по производству и распространению интоксикантов сосуществуют бок о бок с жесткой критикой рекреационного потребления этих интоксикантов. В настоящем исследовании приводятся доводы, убеждающие, что в регионе предпринимались гораздо более обширные, разнообразные и изощренные подходы к контролю и порицанию интоксикантов, чем нам казалось в прошлом. Как раз эти мероприятия представ-

---

¹³ О преступлениях с наркотиками и нарушениях прав человека в Отряде 731 см. [Kingsberg 2009: 314–320]. — *Примеч. авт.*

ляют собой один из примеров существенной социокультурной роли, которую интоксиканты играли в истории как Северо-Восточного Китая, так и Поднебесной в целом.

В Китае и на Тайване появляется все больше изданий, касающихся проблематики истории алкоголя. В частности, следует отметить следующие произведения: Го Паньси, «Обычаи распития алкогольных напитков в Китае» [Guo 1989]; Ли Чжэнпин, «Культура потребления алкогольных напитков в Китае» [Li 2006]; Сюань Биншань, «Народные обычаи [потребления] пищи и напитков» [Xuan 2006]; Гун Ли, «История распития алкогольных напитков» [Gong 2009]. Указанные произведения отражают возрастающий интерес к роли, которую в Китае играет «культура алкогольных напитков» (*цзю вэньхуа*), а равно и стремление к особым компетенциям национальных потребителей и производителей при одновременном заявлении требований к международным рынкам. На момент публикации этой книги в англоязычной литературе не существовало аналогичного бума публикаций по вопросам потребления алкоголя. Дискуссии по этой теме проводились либо в гастрономических обзорах, либо в рамках международных исследований. Здесь стоит упомянуть следующие работы: Чжан Гуанчжи, «Еда в китайской культуре» [Chang 1977]; «Алкоголизм в Северной Америке, Европе и Азии» под ред. Джона Хельцера и Глорисы Канино [Helzer, Canino 1992]; Дэвид Кортрайт, «Силы привычки» [Courtwright 2001]. Единственное исключение — Дэвид Армстронг, «Алкоголь и измененное состояние в ритуалах почитания предков в Китае при династии Чжоу и в Палестине в железном веке» [Armstrong 1998]. Эта книга восполняет пробелы в истории и уделяет внимание славящемуся пагубной привычкой региону Китая. Моя собственная книга посвящена Маньчжоу-го в 1930-е гг. и 1940-е гг. и, в частности, дополняет публикацию Чжан Хуэйнуаня «Культура алкогольных напитков у национальных меньшинств Северного Китая», которая сфокусирована на рассмотрении положения национальных меньшинств на севере Китая во времена империи и в новейшее время [Zhang 2008].

Еще больше научной литературы посвящено роли опиума в истории Китая и Японии. Фундаментальное эссе Джонатана

Спенса показало, что «[потребление опиума] оказало радикальное воздействие на весь социум Китая», не ограничиваясь только вредом, причиненном здоровью китайцев¹⁴. Среди современных исследований, которые продолжают изучать социальное значение опиума, хотелось бы отметить следующие работы: Кэтрин Мейер, «Сети из дыма» [Meyer 1998]; «Опиумные режимы» под ред. Тимоти Брука и Боба Тадаши Вакабаяси [Brook, Wakabayashi 2000]; Франк Дикёттер, Ларс Лааман и Чжоу Сюнь, «Культура наркотиков» [Dikötter et al. 2004]; Ямада Гоити, «Опиумная монополия в Маньчжурии» [Yamada 2002]; Чжэн Янвэнь, «Социальная жизнь опиума» [Zheng 2005]. Эти произведения подчеркивают значение контекстуализации опиума и его различных социально-экономических аспектов. Особое значение для этой книги имели две работы: Чжоу Юнмин, «Антинаркотические кампании XX в. в Китае» [Zhou 2007] и Алан Баулмер, «Китайцы и опиум при Китайской Республике» [Baulmer 2007]. Оба произведения описывают китайские антиопиумные кампании, но при этом игнорируют влияние режимов, установленных Японией в континентальном Китае, и продолжают настаивать на двусмысленности, проистекающей из восприятия китайскими националистами Северо-Восточного Китая после падения династии Цин как неотъемлемой части китайского государства. «Одурманивание Маньчжурии» ставит своей целью более четкое исследование прогибационизма в регионе для изучения как местной истории, так и отношений между Китаем и Японией.

Японский империализм и его связь с распространением опиума были предметом многочисленных исследований. Наиболее релевантные для моей книги среди них это: Джон Дженнингс, «Опиумная империя» [Jennings 1997]; Луиза Янг, «Абсолютная империя Японии» [Young 1998]; Люй Юнхуа, «Опиумная отравка на Северо-Востоке Китая во времена марионеточного государства Маньчжоу-го» [Lü 2004]; Ямамура Синъити (перев. Джошуа Фогель), «Маньчжурия под властью Японии»

¹⁴ Эссе «Опиум» первоначально опубликовано в 1975 г. и перепечатано в [Spence 1992: 229]. — *Примеч. авт.*

[Yamaturo 2006]; и, из самых недавних работ, Марк Дрисколл, «Абсолютная эротика, абсолютный гротеск» [Driscoll 2010]. «Одурманивание Маньчжурии» дополняет указанную литературу, делая упор на антиопиумном движении в Маньчжоу-го, а равно на агрессивном продвижении в регион алкоголя и последующих попытках ограничить его потребление. Среди недавних значительных исследований Маньчжурии 1920-х гг. и 1930-х гг. стоит отметить следующие: Рональд Сулески, «Гражданское правительство в Китае при милитаристах» [Suleski 2002]; Джеймс Картер, «Создание китайского Харбина» [Carter 2002]; Прасенджит Дуара, «Суверенитет и аутентичность» [Duara 2003]; Лю Цзинхуэй, «Нация, гендер и социальная стратификация» [Liu 2004]; «Пересечение историй» под ред. Марико Асано Таманой [Tamanoi 2005]; китайско-японская хрестоматия «Правда о маррионеточном государстве Маньчжоу-го» [Beijing 2010]; Блейн Чейссон, «Администрирование колонизатора» [Chiasson 2010]. В этих произведениях подчеркивается необходимость тщательного изучения исторических хитросплетений рассматриваемого полиэтнического региона для понимания произошедших здесь событий. Выход в свет этих изданий сделал возможным написание настоящей книги.

«Одурманивание Маньчжурии» состоит из восьми глав. В главе 1 — «Алкоголь и опиум в Китае» — описывается, как китайцы относились к алкоголю и опиуму в разные исторические периоды вплоть до середины XX в. Здесь отмечается устоявшаяся роль этих субстанций в культурных практиках и государственной политике, от мифологии до налоговой системы. В главе 2 — «Маньчжурия: исторический контекст» — внимание уделяется Северо-Восточному Китаю и наиболее существенным деловым и государственным преобразованиям в региональной индустрии интоксикантов с конца периода империи до 1940-х гг. включительно. Рассматривается принципиальная важность этих изменений для местных жителей и администрации. Чтобы сформировать общий контекст для исследования темы интоксикантов в последующих главах, основное внимание в этой главе уделяется их производству.

В главе 3 — «Воззрения на алкоголь» — мы обсудим ключевые нарративы, имеющие отношение к этому употреблению. В тексте представлены сюжеты из ведущих газет и журналов региона в 1930-х гг. и 1940-х гг., в том числе «Датунбао» («Вестник Великого Единения»), «Цзянькан Маньчжоу» («Здоровая Маньчжурия»), «Цилинь»¹⁵, «Шэньцзин шибао» (*Shengjing Times*) и «Синьманьчжоу» («Новая Маньчжурия»). В течение 1930-х гг. связанные с алкоголем нарративы носили в целом позитивный характер. Отмечалась роль спиртных напитков в поддержании здорового образа жизни, в творческом самовыражении и развлечениях. Такие сюжеты укрепляли модернистские амбиции режима в Маньчжурии и вместе с тем отражали давние традиции потребления алкоголя среди маньчжуров и монголов, а также разрастающихся сообществ ханьцев, японцев и русских. Однако в 1940-е гг. создаваемые этим потреблением проблемы со здоровьем и социально-экономическая нестабильность, последовавшая за оккупацией, войной и нищетой, спровоцировали все большее решительное неприятие алкоголя как того самого одурманивающего врага, о котором пела Ли Сянлань.

Глава 4 — «Покупая алкоголь, приобщаешься к современности» — прослеживает рекламные тренды, от продвижения потребления спиртного в качестве свидетельства современности тех, кто его употребляет, до призывов к жесткому контролю или даже запрету на алкоголь. Мы сделали обзор следующих продуктов — вино «Red Jade», вино «Suppon Holmon» («Soft-Shell Turtle»), ликер «Yomeishu» и пиво «Asahi». Для склонных к чрезмерным возлияниям в качестве новейшего антидота широко рекламировали пищевую добавку «Ruosu» («Базовый элемент»). Реклама включала в себя иллюстрации и тексты, которые были нацелены на раскрытие для потребителей деталей об особенностях продукции и рекомендации по наиболее современным способам их

¹⁵ *Цилинь*, часто не вполне корректно переводимое как «единорог», — китайское мифологическое существо, схожее с химерами. Наиболее часто представляет собой сочетание головы дракона, тела коня, ног оленя и медвежьего или бычьего хвоста при множестве рогов и голубоватой коже. — *Примеч. пер.*

потребления. Изучение этих материалов помогает понять, как менялись деловые и потребительские практики, а также государственные политические курсы.

Глава 5 — «О потреблении интоксикантов в литературе» — анализирует художественную литературу 1930-х гг. и 1940-х гг. на китайском языке в той части, которая затрагивает вопросы потребления алкоголя и опиума. В главе рассказывается, как литераторы по мере становления их карьер пытались обратить внимание общественности на опасность употребления интоксикантов. Рассмотрены произведения ведущих местных авторов, в том числе Бай Лан, Ли Цяо, Ли Чжэнчжуна, Мэй Нян, Ван Цюина, Сяо Цюня и Чжу Ти.

Глава 6 — «Переполюс в сервисной индустрии» — посвящена жарким дебатам 1930-х гг. по поводу работы женщин в опиумных магазинах в частности и в индустрии услуг в целом. Дискуссия была сфокусирована на «признанных талантах» женщин и том, как лучше реализовать их в работе. Поразительно противоречивые материалы газеты тех времён «*Шэньцзин шибào*» позволяют понять отношение к задействованным в сфере услуг женщинам и к этой индустрии в целом. Такие новостные заметки, кстати, легли в основу вымышленных историй о работниках сферы услуг, в том числе повести Мэй Нян 1940 г. «Преследование» и повести Вэй Чэна 1942 г. «Загнивший отравленный язык». Споры по поводу женщин в сфере услуг являются частью общих споров о «новых женщинах» в начале XX в. В таких дискуссиях отражается неоднозначность роли женщин в индустриях услуг и интоксикантов. Причем эта двусмысленность сохраняется по настоящее время.

В главе 7 — «Обоснование зависимости и поиск излечения» — описываются попытки современников показать «зависимость» как явление и обозначить пути к ее преодолению отдельными лицами как в домашних условиях, так и в специализированных структурах. Материалы СМИ о препаратах, противодействующих зависимости, и материалы о больницах, клиниках и институтах здоровой жизни (*каншэньюань*), а также их врачебных коллективах, подчеркивают всю серьезность, с которой многие относи-

лись к борьбе с зависимостью от интоксикантов до победного конца. В представленных на сегодняшний день исследованиях того периода отрицаются или недооцениваются попытки лечить или преодолевать зависимость, однако ведущие СМИ того времени настойчиво навязывали обсуждение этой темы.

Глава 8 — «Занимательные беседы» и Опиумная монополия» — исследует 126-страничный трактат «Занимательные беседы: сборник № 1», опубликованный Опиумной монополией Маньчжоу-го в 1942 г. и распространявшийся среди населения бесплатно. Снабженный красивыми иллюстрациями буклет состоит из 14 глав, в которых подробно описывается позиция монополии по алкоголю и опиуму, а равно и лучшие средства лечения от зависимости. Несмотря на то что это издание в свое время было общедоступным, сейчас его экземпляры крайне редки и ранее не являлись предметом научных исследований. Анализ «Занимательных бесед» объединяет все линии исследования в «Одурманивании Маньчжурии», демонстрирует историческую важность индустрии по производству интоксикантов в Маньчжурии, а также их несомненное воздействие на местную культуру.

Глава 1

Алкоголь и опиум в Китае

С давних времен алкоголь и опиум играют важную роль в культурных практиках и государственной политике Китая, объединяя местные факторы влияния с привнесенными извне трендами. Уже при первом своем появлении в Поднебесной эти интоксиканты вызывали как хвалу, так и осуждение. При этом исторически алкоголь был в большей степени интегрирован в китайский социум, чем опиум, который в современных нарративах о личном и общественном здоровье удостоивался гораздо более суровой критики. Масштабы потребления спиртного в сообществах китайцев преуменьшаются или игнорируются по самым различным причинам, в особенности в связи с широко распространенным убеждением, будто бы у азиатов аллергия на спиртное [Courtwright 2001: 10]¹. Однако самые распространенные формы потребления алкоголя — в небольших чашах или пиалах во время принятия пищи или исполнения ритуалов — способствовали принятию спиртных напитков в долгосрочной перспективе. Большую часть своей истории опиум использовался как медицинское средство, а не как рекреационный продукт². Однако агрессия со стороны империалистических держав, перемены

¹ О воззрениях на биологию, общество и культуру см. [Helzer, Canino 1992: 214]. — *Примеч. авт.*

² [Lin, Lin 1982: 109] выдвигают три гипотезы, почему китайцы не пьют алкоголь: физиологическая (непереносимость алкоголя), замещающая (азартные игры и наркотики) и социокультурная (ритуалы с потреблением спиртных напитков и социальные факторы). — *Примеч. авт.*

в потреблении и сдвиги в медицинском дискурсе на протяжении XIX–XX вв. трансформировали восприятие как алкоголя, так и опиума, которые стали более однобоко описываться как вызывающие привыкание опасные интоксиканты. Как замечал в 1939 г. Бай Хэ, алкоголь и опиум следует воспринимать схожим образом, поскольку оба интоксиканта «скрывают свою губительную природу» [Bai 1939: 39]. В настоящей главе представлен общий обзор подходов к алкоголю и опиуму в Китае на протяжении его истории, вплоть до середины XX в. Поскольку потребление спиртных напитков прослеживается уже на заре китайской цивилизации, мы начнем наше обсуждение с алкоголя.

Алкоголь

Афоризм «алкоголь предназначен для церемоний, исцеления хворей и разгульного веселия» указывает на значительную роль, которую спиртное играло в истории Китая [Li 2006: 37]. В трактате «История потребления алкоголя» Гун Ли указывает, что «алкоголь составляет стержень всех китайских обычаев» [Gong 2009: 78]. Го Паньси характеризует культуру алкогольных напитков как «многоцветный калейдоскоп» [Guo 1989: 1]. Сюй Сяоминь называет алкоголь «водой истории» [Xu 2003]. Китай считали «родиной спиртного» [Shenyang 1993: 335]³ и «королевством алкоголя» [Wen 2010: 1]. В 1926 г. писатель Чжоу Цзожэнь (1885–1967 гг.) заявлял: «я уроженец родины алкоголя» [Zhou 1994b: 20]. Все эти утверждения указывают на глубину и масштаб истории спиртных напитков, или *цзю*, как читается соответствующий иероглиф на *путунхуа*⁴. *Цзю* обозначает алкоголь во всех его формах, от «желтого вина» (*хуаницзю*) — алкогольного напитка из зерен риса, проса или пшеницы — до виноградного вина

³ При заводе Laolongkou в городе Шэньян работает музей вина, в котором можно познакомиться с давней историей предприятия. — *Примеч. авт.*

⁴ Основанный на северных диалектах вариант китайского языка, являющийся официальным в КНР. — *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru